**УДК 342.7**

# ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМА БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

**Яковлева Елизавета Вячеславовна**

студентка

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

**Аннотация.** В статье рассматривается трансформация конституционно-правового механизма защиты частной жизни лица в условиях цифровизации общественных отношений. Выявляется разрыв между конституционными гарантиями (ст.ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации) и практикой правового регулирования сбора и обработки персональных данных. Обосновывается системный характер проблемы, исключающий возможность ее решения путем точечных правок в законодательство. Автором предлагается принятие «Стратегии обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху», ядро которой составляют три принципа-императива: трехуровневое деление данных, целевое назначение данных каждого уровня и презумпция конфиденциальности данных. Раскрывается содержание каждого принципа, их взаимосвязь и практическая реализуемость в российской правовой системе. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения баланса между защитой частной жизни граждан и легитимными интересами государства в сфере борьбы с деструктивным поведением. Автор приходит к выводу, что предложенная стратегия способна восстановить категорию «личная тайна» в качестве генерального правила в цифровой среде, не ослабляя при этом контроль со стороны государства, а делая его предсказуемым и законным.

**Ключевые слова:** неприкосновенность частной жизни, конституционное право, цифровизация, персональные данные, поведенческие данные, стратегия, судебный контроль, личная тайна, баланс интересов.

# TRANSFORMATION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISM FOR THE PROTECTION OF PRIVACY IN THE DIGITAL AGE: THE PROBLEM OF BALANCE BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

**Yakovleva Elizaveta V.**

Orenburg Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»
Russia, Orenburg

**Abstract.** The article analyzes the transformation of the constitutional and legal mechanism for the protection of privacy in the context of digitalization of public relations. The author identifies a gap between constitutional guarantees (Articles 23, 24 of the Constitution of the Russian Federation) and the practice of legal regulation of personal data collection and processing. The systemic nature of the problem is substantiated, excluding the possibility of its solution through piecemeal amendments to sectoral legislation. The author proposes the adoption of a «Strategy for Ensuring the Constitutional Right to Privacy in the Digital Age», the core of which consists of three imperative principles: three-level differentiation of digital data, the targeted purpose of data at each level, and the presumption of data confidentiality. The content of each principle, their interrelation and practical feasibility in the Russian legal system are revealed. Special attention is paid to the need to maintain a balance between the protection of citizens‘ privacy and the legitimate interests of the state in the fight against terrorism, extremism and serious crimes. The author concludes that the proposed strategy can restore the category of “personal secret” as a general rule of the digital environment, without weakening state control, but making it predictable and legal.

**Keywords:** privacy, constitutional law, digitalization, personal data, behavioral data, strategy, judicial control, personal secret, balance of interests.

Конституция Российской Федерации в статьях 23 и 24 закрепляет право каждого человека на неприкосновенность частной жизни [1]. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается [1]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял, что частная жизнь лица – это сфера, куда государство и общество не вправе вторгаться, если только действия лица не носят противоправный характер [2]. Представляется, что данная позиция Конституционного Суда РФ на сегодняшний день утратила свое важнейшее значение, поскольку она формировалась в другую технологическую эпоху, когда массовый сбор информации о человеке еще не был технически возможен. Сегодня ситуация изменилась кардинально. Цифровые технологии позволяют собирать информацию о человеке без его прямого согласия, и в таких масштабах, которые буквально несколько лет назад невозможно было представить.

Сейчас технологии позволяют собирать информацию о каждом человеке непрерывно и в неограниченных масштабах. Государство внедряет Единую биометрическую систему. Создается цифровой профиль гражданина. Развиваются системы оперативно-розыскных мероприятий на

сетях связи (СОРМ). Одновременно частные цифровые платформы собирают данные о наших покупках, перемещениях, поисковых запросах, близких. Создается тревожная тенденция. Мы оставляем наш цифровой след везде. Причем этот след уже не принадлежит нам. Гражданин, желая получить доступ к базовым услугам: медицина, банковское обслуживание, услуги связи – фактически оказывается в уязвимом положении. Он вынужден дать свое согласие на обработку персональных данных. При этом реальный контроль за последующим использованием данных у него отсутствует. На практике получается двойственная ситуация. Государство, которое по Конституции должно защищать частную жизнь лица, становится главным источником угрозы для приватности человека. Защитник превращается в нарушителя.

Доктор юридических наук Т.В. Ефимцева размышляя о цифровизации приходит к выводу, что государство не просто переводит персональные данные в электронную форму. Нормативные правовые акты в сфере цифровизации «делают эти данные товаром» [3, с. 42]. С этим суждением невозможно не согласиться. Действительно, в настоящее время прослеживается опасная тенденция. Персональные данные рассматриваются не как конфиденциальная информация, а как актив, который может спокойно покупаться и продаваться. При такой ситуации человек перестает контролировать свою информацию. Он становится объектом, чьи данные используются для извлечения прибыли.

С.Д. Ковалев обращает внимание на еще одну проблему. Российское законодательство в сфере информационного права содержит противоречия и пробелы. Особенно это проявляется в реализации прав граждан в сети Интернет [4, с. 147-148]. Действительно стремительное развитие технологий опережает правовое регулирование. Пока принимают один закон, появляются новые способы сбора данных, которые этот закон не регулирует. И это на наш взгляд ключевой момент. У нас есть законы о персональных данных, об оперативно-розыскной деятельности, об информации. Но они не выполняют тех необходимых функций защиты, которые требуются на данном этапе развития. Они сделаны под старую реальность, где массовый сбор информации был не обыденной ситуацией, а исключением.

Особую тревогу вызывает практика экспериментальных правовых режимов. По сути, государство само создает «лазейки» в законе, чтобы собирать данные без ограничений. Медицинская тайна, тайна связи – все это предлагается вывести из-под регулирования под видом развития цифровых инноваций. Т.В. Ефимцева называет это «фактической отменой права на неприкосновенность частной жизни» [3, с. 42]. Соглашаясь с этим утверждением, мы приходим к вопросу о том, что если государство само отменяет защиту, то к кому гражданину идти за содействием в реализации его фундаментального права, если не к государству?

Представляется, что с развитием цифровых технологий мы столкнулись с системным кризисом. Это проявляется не в отдельных недостатках и пробелах законодательства. Это в

первую очередь разрыв между конституционными «обещаниями» и реальностью, в которой развитие технологий явно опережает правовое регулирование. Право на частную жизнь остается на бумаге, но на практике гражданин остается «прозрачным». Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в России на данном этапе превратилось в формальность. Оно не защищено реальными механизмами контроля. Гражданин вынужден отдавать свои данные в обмен на доступ к базовым услугам. Государство и частные корпорации собирают данные в колоссальных объемах, а человек остается один на один с этой сложившейся системой. Категория «личная тайна» фактически утратила свое значение и превратилась в фикцию.

Предлагается возможным, что проблему, с которой мы столкнулись на современном этапе цифровизации, возможно преодолеть путем принятия Стратегии. Системный характер выявленных в ходе исследования недостатков исключает возможность их решения путем точечных новелл в законодательстве. Целесообразно разработать документ стратегической направленности, который позволит зафиксировать основные направления развития России в сфере обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. Стратегия задаст вектор для последующей нормотворческой деятельности.

Представляется возможным, что ядро стратегии должны составить три принципа-императива, которые будут способны восстановить категорию «личная тайна» в качестве генерального правила.

Первый принцип – дифференциация цифровых данных. В настоящее время законодательство разделяет данные только на «персональные» и «обезличенные». Такое деление слишком поверхностно для цифровой эпохи. Стратегия должна установить 3 уровня защиты. Первый уровень составят сведения повышенной важности: ФИО, СНИЛС, ИНН, биометрия. Условно их можно обозначить как «данные идентификации». Их обработка возможна только с согласия гражданина и только в целях, прямо указанных в законе. Передача этих сведений третьим лицам без судебного решения – запрещена. Второй уровень должны составить поведенческие данные. То есть такие, которые окружают человека постоянно. К ним можно отнести: геолокацию, поисковые запросы, история перемещений. Массовый сбор таких данных будет возможен только для выработки статистики и с обязательным условием обезличивания. Доступ к данным конкретного лица должен осуществляться только на основании судебного решения, аналогично телефонной переписке. Введение судебного контроля в таком случае позволит остановить сбор данных о человеке, который сейчас существует как тезис «формально это законно, а фактически бесконтрольно». Третий уровень составят данные, которые отделены от конкретных лиц, но существуют в цифровой среде. Это могут быть: анонимные сведения о пробках, погоде и так далее. «Ничейные» данные могут свободно использоваться, а их обработка возможна без ограничений.

Второй принцип стратегии должен установить целевое назначение данных каждого уровня. Когда мы говорим о неприкосновенности частной жизни человека, как фундаментального права, мы должны четко устанавливать намерение сбора данных о нем. Важно закрепить именно презумпцию, что «данные собранные для одной цели, не могут использоваться для другой». Это будет являться развитием Федерального закона от 08 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» [5]. Для первого уровня это означает, что данные получение для предоставления какой-либо государственной услуги, не могут быть переданы третьим лицам без судебного решения. Для второго уровня: данные, собранные частным сервисом, не могут быть проданы, например, рекламным агентствам. Для третьего уровня: превращение анонимных данных в персональные запрещено и должно влечь ответственность.

Третий принцип стратегии плавно вытекает из предыдущих. Он закрепляет презумпцию конфиденциальности данных. Любые данные первого или второго уровня по умолчанию являются личными. Их сбор, хранение, распространение и обработка возможны только при соблюдении сразу двух условий. Во-первых, наличие законной цели, которая может выражаться в согласии гражданина для первого уровня данных, и судебное решение для второго уровня. Во-вторых, данные не должны утратить своей актуальности. Как только цель достигнута (услуга оказана, срок давности по уголовному делу истек) или данные собраны с нарушением закона, оператор обязан самостоятельно уничтожить данные. Гражданин вправе проверить факт уничтожения через суд. Это должно выступать не как «право на забвение» в его нынешнем виде (по требованию гражданина), а автоматический механизм, при котором оператор действует в силу императивного указания.

Таким образом, стратегия неприкосновенности частной жизни в цифровую эпоху позволит остановить бесконтрольный сбор данных о человеке. Представляется возможным, что ее положению смогут способствовать восстановлению категории «личная тайна», которая в эпоху развития цифровых технологии утратила свое истинное значение.

Вместе с тем, предложенная трехуровневая система защиты данных не должна восприниматься как инструмент для сокрытия противоправной деятельности. Свобода личности не означает вседозволенности. Государство с принятием стратегии не утратит полностью механизмы контроля. Они наоборот станут прозрачными и эффективными. Стратегия должна установить критерии допустимости вмешательства в частную жизнь. Эти критерии должны защитить важные общественные отношения от деструктивного поведения: терроризма, экстремизма, тяжких преступлений и угрозы государственной безопасности. Важная роль в принятии решения о допустимости сбора должна отводиться суду, как независимому арбитру. Только при четком разграничении критериев допустимости вмешательства возможно достигнуть баланса интересов. Государство получает легитимные рычаги для защиты общества, а гражданин

защиту от произвольного и бесконтрольного вторжения. Стратегия не ослабляет государство. Она делает его контроль предсказуемым и законным.

**Список литературы:**

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 21.04.2026).
3. Ефимцева Т.В. К вопросу о неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации общества / Т.В. Ефимцева // Нематериальные блага и их защита в условиях цифровизации: отечественный и зарубежный опыт : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 ноября 2020 года. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ФСИН России, 2021. — С. 40–46.
4. Ковалев С.Д. Правовые и социальные проблемы неприкосновенности частной жизни в сети Интернет / С.Д. Ковалев // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 7 (235). — С. 147–150.
5. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451.